Сунь-цзы • Наполеон • Суворов

ВЕЛИКИЕ СТРАТЕГИИ ВЕЛИКИХ ПОЛКОВОДЦЕВ

И. В. Суслов

Великие стратегии великих полководцев. Искусство войны

Серия «Мудрецы и пророки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42582643
Великие стратегии великих полководцев. Искусство войны: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-111893-8

Аннотация

В этой книге собраны самые знаменитые военные стратегии, произнесенные или записанные великими полководцами и философами. Теоретики и практики военного дела оставили для потомков бесценные правила, позволяющие применить стратегию и тактику не только в реальном сражении, но и в бизнесе или решении конфликта. Книга поможет прикоснуться к универсальным принципам жизни и сориентироваться в сложных ситуациях современного мира. Издание будет интересно как истинным любителям военной истории, так и всем, кто хочет мыслить стратегически в повседневной жизни.

Содержание

Введение 7
Глава 1 12
1.1. Стратегия: общие замечания 12
1.2. Эволюция войны 32
1.3. Полководец как стратег и тактик 48
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Великие стратегии великих полководцев. Искусство войны

Сост. И. В. Суслов

© И.В. Суслов, составление, 2018
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

МУДРЕЦЫ
и ПРОРОКИ

Введение

Жизнь – это поле брани, а каждый из нас на нем полководец. С утра до ночи мы воюем с обстоятельствами, природой, вирусами, иногда окружением и даже самой судьбой. Поэтому неслучайно, что умы и сердца многих людей до сих пор занимают идеи великих полководцев прошлого. Да и сама война была предметом неослабевающего интереса испокон веков. Несмотря на стремительное развитие технологий, в современном мире изучение военных стратегий расширяет кругозор и повышает конкурентные шансы в реальной игре под названием Жизнь.

В книге представлены стратегии великих полководцев и мыслителей, ставшие мировым литературным наследием. Значительное внимание уделено текстам Сунь-цзы – древнейшему трактату о стратегии под названием «Искусство войны». Советы по ведению войны настолько универсальны, что с успехом используются в изучении военной теории, в бизнесе и в повседневной жизни. Еще более лаконичные стратагемы предлагает читателю полулегендарный полководец Древнего Китая У-цы в своем трактате «Законы войны почтенного У».

Погружаясь в изучение военных стратегий, невозможно обойти вниманием одного из великих полководцев античности Гая Юлия Цезаря. В своих многочисленных сочинениях

Цезарь писал, войнах с галлами, соотечественниками, африканцами и многими другими народами. В книге представлены выдержки из истории о победе над галлами.

На страницах настоящего сборника военных стратегий часто встречается имя античного стратега – Секста Юлия Фронтина, чья не столько военная, сколько государственная и писательская деятельность развернулась в эпоху раннего императорского Рима I в. н. э. Фронтин участвовал в военных действиях, но более интересен его труд «Стратегемы» – собрание военно-стратегических решений греческих и римских полководцев.

Военачальники эпохи Средневековья редко блистали литературным даром, да и искусство стратегий и тактик в это время переживало откровенный упадок (по сравнению со взлетами в период античности и нового времени). Однако нельзя не отметить великого монгольского полководца Чингисхана, осуществившего масштабную экспансию в Азии в начале XIII века. В настоящую книгу он попал как автор легендарной «Великой Ясы» – заветов, по преданию оставленных полководцем потомкам.

В Новое время общепризнанным стратегом считался прусский король Фридрих II Великий (1712–1786) – кумир многих немцев и прочих современников. В России в том же веке Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796) побеждал прусские, турецкие и другие войска. Русский полководец оставил несколько военно-теоретических

трудов, посвященных обустройству быта и организации жизни солдат.

Современником Румянцева был всеми любимый Александр Васильевич Суворов (1730–1800), русский полководец, не нуждающийся в представлениях. Главным литературным наследием Суворова является трактат под названием «Наука побеждать», из которого мы узнаем секреты подготовки солдат и тактики боя. Закрывает тему полководцев императорской России, Михаил Илларионович Кутузов (1745–1813), освещающий вопросы об организации походной жизни и обучения легкой пехоты (егерей).

Побежденный Кутузовым Наполеон Бонапарт (1769–1821) в конце жизни оставил воспоминания, в которых можно найти советы как вдохновлять соратников и манипулировать союзниками. Воспоминания Наполеона перекликаются с произведениями Цезаря – те же многочисленные, но бестолковые враги и хитрые, но ненадежные союзники. Если в древности римлянин покорил территорию современной Франции, то спустя века француз завоевал Италию.

Явным продолжателем дела китайских военных теоретиков стал прусский военачальник Карл фон Клаузевиц (1780–1831). Автор трактата «О войне» суммировал изученный опыт свыше 100 военных кампаний и сформулировал положения, которые не уступают древнекитайским военным мудростям в аналитической обобщенности. Прусским происхождением может похвастаться еще один известный стра-

тег, начальник германского Генерального штаба, автор плана по разгрому Франции – Альфред фон Шлиффен (1833–1913). В книге приводятся наиболее интересные воззрения прусского генерала на изменения в военном деле. Закрывая немецкую тему, следует упомянуть также Хайнца Гудериана (1888–1954) – создателя танковых войск Третьего Рейха. Немецкий генерал и военный теоретик в своих воспоминаниях рассуждал о характере Первой мировой войны и об изменении стратегии и тактики в XX в.

Если Гудериана интересовали танковые войска, то его итальянского коллегу Джулио Дуэ (1869–1930) привлекали самолеты. В его произведении «Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны» рассматривается, как правильно использовать авиацию для достижения победы. Размышления о военной службе и роли генерала оставил также британский фельдмаршал Бернард Монтгомери (1887–1976).

Что касается русских стратегов XX в., то интерес представляют взгляды руководителя Белого движения Антона Ивановича Деникина (1872–1947) и маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова (1896–1974). Может быть, Деникин и не самый выдающийся полководец своего времени, но будучи в эмиграции он проанализировал опыт командования вооруженными силами во время революционного брожения в России. Георгий Константинович же поделился своими воспоминаниями об организации от-

пора немецким захватчикам в годы Великой Отечественной войны.

Книга, которую вы держите в руках – это не справочник по военной стратегии. Это взгляды и свидетельства лучших полководцев прошлого, рассказывающих о секретах и тактиках ведения боевых действий. Речь, конечно, идет о войне, но многие приемы и военные хитрости вполне можно использовать и в мирное время.

Глава 1
О стратегии

1.1. Стратегия: общие замечания

Стратегия – это выбор наилучших действий

Наилучшее – сохранить государство врага в целости, на втором месте – сокрушить это государство.

Наилучшее – сохранить армию врага в целости, на втором месте – разбить ее.

Наилучшее – сохранить бригаду врага в целости, на втором месте – разбить ее.

Наилучшее – сохранить батальон врага в целости, на втором месте – разбить его.

Наилучшее – сохранить роту врага в целости, на втором месте – разбить ее.

Наилучшее – сохранить взвод врага в целости, на втором месте – разбить его.

Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего.

Не сражаясь, покорить чужую армию – вот лучшее из луч-

шего.

Поэтому тот, кто хорош в ведении войны, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не атакуя; сокрушает чужое государство, не держа [войско] долго.

Непременно сохраняет все в целости, борясь таким образом за [власть] в Поднебесной.

Поэтому и не притупляя оружия можно получать выгоду:

таков закон планирования атаки.

Закон для использующего войска [таков]:

[если] у тебя сил в десять раз больше, чем у врага, окружи его со всех сторон; [если] у тебя сил в пять раз больше, нападай на него; [если] у тебя сил вдвое больше, раздели его на части; если же силы равны, сумей с ним сразиться; если сил меньше, сумей оборониться от него; если ты ему не ровня, сумей уклониться от него.

Поэтому те, кто крепок против малого врага, делаются пленниками большого врага…

…всякий, кто занимает место сражения, заранее ожидая врага, тот полон сил;

Кто занимает место сражения позже и бросается сражаться, тот утомится.

Поэтому тот, кто хорош в сражении, управляет другими людьми и не управляем другими людьми.

Уметь заставить врага самого прийти – это [посулить] ему выгоду; уметь не дать врагу прийти – это нанести ему вред.

Поэтому сильного врага можно утомить; сытого заставить

голодать; надежно [окопавшегося] сдвинуть с места…

В древности те, кого называли хорошо ведущими войну, умели делать так, что у врага передовые и тыловые части не сообщались друг с другом, крупные и мелкие не поддерживали друг друга, благородные и низкие не выручали друг друга, верхи и низы не взаимодействовали друг с другом; они умели делать так, что солдаты [врага] оказывались оторванными друг от друга и не были собраны, а если армия, хоть и была соединена в одно целое, не была единой (если это было выгодно, поднимали [войска], если это не было выгодно, оставались на месте).

Сунь-цзы. «Искусство войны»

Девять типов местности

По закону войны есть рассеянные местности, легкомысленно [занятые] местности, спорные местности, взаимнодоступные местности, перекрестные местности, тяжелые местности, труднопроходимые местности, окруженные местности, смертельные местности.

Когда князья чжухоу сами сражаются за свою землю, это – местность рассеянная; когда заходят в землю других, но не углубляются в нее, это – легкомысленно [занятая] местность; когда я захватываю и получаю выгоду, он – захватывает и тоже получает выгоду – это спорная местность; когда и я мо-

гу пройти, и он может прийти – это взаимодоступная местность; когда земля князя чжухоу принадлежит сразу трем и тот, кто первым достигнет ее, овладеет всем в Поднебесной, – это перекрестная местность; когда заходят глубоко в землю других и оставляют в тылу у себя много укрепленных городов – это тяжелая местность; когда идут по горам и лесам, кручам и обрывам, низинам и болотам, по любым труднопроходимым местам – это труднопроходимая местность; когда путь, по которому входят, узок, а путь, по которому уходят, обходной, когда он с малыми силами может атаковать мои большие силы, это окруженная местность; когда, бросаясь быстро в сражение, остаются в целости, а не бросаясь быстро в бой, погибают, это смертельная местность.

Поэтому в рассеянной местности не сражайся; в легкомысленно [занятой] местности не останавливайся; в спорной местности не наступай; во взаимодоступной местности не теряй связи; в перекрестной местности заключай союзы; в тяжелой местности грабь; в труднопроходимой местности продвигайся; в окруженной местности планируй; в смертельной местности сражайся…

‹…› обычно оценивая противника, имейте в виду восемь правил, когда можно вступать в бой без всяких гаданий:

1. При ураганном ветре и сильной стуже; когда у противника утренний подъем или вечерний отбой; когда идет лед или стоит большая вода и противник не предвидит трудностей.

2. В середине лета в сильную жару; когда войско долгое время находится в покое или когда оно быстро продвигается; люди испытывают голод и страдают от жажды, а им еще предстоит большой переход.

3. Когда войско противника углубилось далеко и замешкалось, а продовольствие у него кончилось; когда население ропщет, появляются разные божественные предзнаменования и верхи не могут их устранить.

4. Когда военные ресурсы израсходованы, хвороста и фуража мало; когда погода долгое время пасмурная и дождливая; когда воинам противника нет места, где бы они могли пограбить.

5. Когда количество войск противника небольшое, местность им не благоприятствует, люди и лошади болеют, распространились эпидемии и нельзя получить помощи от соседей.

6. Когда противник совершает дальний переход и солнце на закате, командиры и воины его устали и напуганы, они голодны и не имеют пищи, сняли латы, панцири и отдыхают.

7. Когда полководец и командиры противника слабы, низшие командиры и воины неустойчивы; когда в войсках возникает паника и помощи ждать неоткуда.

8. Когда войско в строю, но еще не установился порядок; когда сооружается лагерь, но еще не закончен; когда идут вверх по холму, переходят вброд реку, пересекают ущелье, пройдя лишь половиной своих сил.

Во всех этих случаях атакуйте противника не колеблясь.

Сунь-цзы. «Искусство войны»

Шесть правил, когда не следует вступать в бой

Существует шесть правил, когда, не гадая, избегайте вступать в бой с противником:

1. Когда страна противника обширна, население богато и многочисленно.

2. Когда у противника высшие любят своих низших, во всем проявляют милосердие и заботу.

3. Когда у противника награждают справедливо, наказывают обдуманно, предпринимая это непременно своевременно.

4. Когда в войсках противника выдвигают по заслугам, назначают мудрых и используют способных.

5. Когда у противника войск в походе много и оружие хорошее.

6. Когда противнику со всех сторон помогают соседи или большое царство.

Во всех этих случаях, если ваши силы не равны силам противника, следует избегать столкновения с ним.

Поэтому говорят: если видишь возможности, наступай; если знаешь трудности, избегай боя».

У-цзы. «Законы войны почтенного У»

Создание условий для войны

1. Александр Македонский, имея огромное войско, всегда выбирал такую тактику, чтобы сражаться в открытом бою.

2. Г. Цезарь в гражданской войне, обладая войском, состоящим из варваров, и зная, что вражеское войско состоит из новобранцев, всегда стремился сразиться в открытом бою.

3. Фабий Максим в борьбе против Ганнибала, упоенного военными успехами, решил уклониться от рискованной решительной схватки и только оборонять Италию. За это он заслужил прозвание Кунктатора и великого полководца.

5. Гасдрубал, сын Гисгона, во второй Пунической войне, когда его войско было побеждено в Испании, а П. Сципион наседал, разделил войско по городам; в результате Сципион, чтобы не растратить свои силы на штурм многих городов, увел свои войска на зимние квартиры.

6. Фемистокл при приближении Ксеркса, поскольку афиняне, по его мнению, не в силах были ни вступить в пеший бой, ни защитить границы, ни выдержать осаду, посоветовал вывезти детей и жен в Трезены и другие города и, покинув город, перенести военные операции на море…

8. Сципион, когда Ганнибал оставался еще в Италии, переправил войско в Африку и перенес войну с родной территории на вражескую.

9. Афиняне, когда лакедемоняне укрепили афинскую кре-

пость Декелею и часто совершали оттуда набеги, послали флот для нападения на Пелопоннес; этим они добились, что лакедемонское войско, находившееся в Декелее, было отозвано.

10. Император Цезарь Домициан Август, когда германцы, по своему обыкновению, совершали нападения на наших из лесов и незаметных укрытий, имея при этом возможность безопасного отступления вглубь лесов, провел просеку в 120 миль и тем не только изменил характер войны, но и покорил неприятелей, так как обнажил их убежища.

Фронтин. «Стратагемы»

Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао

Лучше врагов разделить,
Чем позволять им быть вместе.
Нападай там, где уступают,
Не нападай там, где дают отпор.

Древнекитайская стратагема 2. «Тридцать шесть стратагем»

Как распылять силы неприятеля

2. Ганнибал, желая бесславием подорвать авторитет

Фабия, с которым не мог сравниться ни доблестью, ни военным искусством, не тронул его полей, опустошив все прочие. В ответ Фабий объявил свои владения общественным достоянием и этим проявлением величия духа достиг того, что граждане не взяли под сомнение его добросовестность.

3. В пятое консульство Фабия Максима галлы, умбры, этруски и самниты соединили свои войска против римского народа; Фабий в свою очередь, укрепив против них лагерь за Апеннинами на Сентинском поле, написал Фульвию и Постумию, стоявшим на защите города, чтобы они двинули войска в Клувию. Когда это было выполнено, этруски и умбры ушли защищать свою землю. Фабий и его коллега Дециий напали на оставшихся самнитов и галлов и победили их.

‹…›

6. Во время Пунической войны некоторые города решили перейти от римлян на сторону пунийцев, но хотели раньше, чем отпасть, получить обратно заложников, которых дали раньше. Они поэтому инсценировали среди соседей мятеж, для подавления которого римляне должны были направить послов, задержали этих послов, в свою очередь, как заложников, и вернули их не прежде, чем получили обратно своих.

7. Римские послы, направленные к царю Антиоху, который держал при себе Ганнибала уже после поражения карфагенян и проводил его планы против римлян, вели с ним частые беседы. Этим они достигли того, что царь стал отно-

ситься с подозрением к человеку, который до этого был ему очень близок и полезен своей хитростью и военным опытом.

8. Кв. Метелл в борьбе против Югурты подкупил направленных к нему послов, чтобы они выдали ему царя; когда явились другие, он поступил с ними так же; тот же образ действий он применил и к третьему посольству. С пленением Югурты дело, правда, подвигалось туго: Метелл требовал выдачи его живым. Однако он добился очень многого; его письма к друзьям царя были перехвачены, царь всех их наказал и, лишившись их советов, впоследствии не мог приобрести друзей.

9. Г. Цезарь узнал от какого-то захваченного водоноса, что Афраний и Петрей собираются ночью сняться с лагеря. Чтобы расстроить планы неприятеля, не создавая вместе с тем трудностей для своих, он приказал тотчас же по наступлении ночи объявить сбор в поход и провести мимо лагеря противника с шумом и звоном мулов; думая, что Цезарь снимается с лагеря, те, которых он хотел задержать, сами задержались на месте.

10. Сципион Африканский, чтобы перехватить шедшую к Ганнибалу помощь с провиантом, отослал Минуция Терма с тем, чтобы потом к нему присоединиться.

Фронтин. «Стратагемы»

Как оборонять столицу

Как оборонять столицу: непосредственно прикрывая ее или заняв укрепленный лагерь в тылу? Первый способ надежнее: он позволяет препятствовать переходу через реки и теснины, выбирать удобные позиции в поле и усиливать себя подкреплениями за счет всех войск, находящихся внутри страны, между тем как неприятель незаметно ослабляется.

Второй способ – самый невыгодный: армия, запершаяся в укрепленном лагере, подвергается опасности быть разбитой или по крайней мере обложенною неприятелем, в каковом случае ей придется пробиваться с оружием в руках, чтобы добыть себе хлеб и фураж. Для прокормления армии в 100 000 человек ежедневно требуется 400–500 повозок. Если армия вторжения имеет на треть больше пехоты, артиллерии и кавалерии, то она помешает прибытию обозов и, не блокируя лагерь герметически, как при блокаде крепостей, – до того затруднит снабжение, что в лагере распространится голод.

Остается третий способ: маневрировать в открытом поле, не позволять противнику оттеснить себя к обороняемой столице и не запираться в тыловом укрепленном лагере. Этот способ требует хорошего войска, хороших генералов и хорошего главнокомандующего. Вообще действия, имеющие целью прикрыть столицу или другой пункт фланговыми манев-

рами, требуют выделения особого корпуса и влекут за собою все невзгоды, сопряженные с раздроблением сил, при действиях против сильнейшего неприятеля.

Когда после боя при Смоленске, в 1812 г., французская армия направилась прямо к Москве, генерал Кутузов прикрывал этот город последовательными маневрами, пока, прибыв в укрепленный лагерь под Можайском, не остановился и не принял сражения; проиграв его, он продолжил свой марш и прошел через Москву, попавшую в руки победителя. Если бы вместо того он отступил к Киеву, то увлек бы за собой французскую армию, но в таком случае ему пришлось бы отрядить особый корпус для прикрытия Москвы; ничто не помешало бы французам послать против этого корпуса другой, сильнейший, что заставило бы его эвакуировать эту важную столицу.

Наполеон Бонапарт. «Семнадцать замечаний на работу под названием «Рассуждение о военном искусстве», изданную в Париже в 1816 г.»

Война или политика – что первично?

Если, следовательно, при составлении плана войны недопустимы две или несколько точек зрения в оценках, например, точка зрения солдата, администратора, политика и т. д., то спрашивается, необходимо ли, чтобы именно политика

была той точкой зрения, которой должно подчиняться все остальное.

Мы исходим из того, что политика объединяет в себе и согласовывает все интересы как внутреннего управления, так и гуманности и всего остального, что может быть выдвинуто философским разумом, ибо сама по себе политика ничто; она лишь защитник всех этих интересов перед другими государствами. Что политика может иметь неверное направление, служить преимущественно честолюбию, частным интересам, тщеславию правителей – это сюда не относится. Ни в коем случае военное искусство не является «наставником» политики. Мы можем здесь рассматривать политику лишь как представителя всех интересов целого общества.

Итак, вопрос состоит лишь в том, должна ли при составлении плана войны политическая точка зрения склоняться перед точкой зрения чисто военной (если таковая вообще была бы мыслима), т. е. или совершенно исчезать, или ей подчиняться, или же политическая точка зрения должна быть господствующей, а военная находиться у нее в подчинении?

Мнение, что политическая точка зрения с началом войны перестает существовать, имело бы основание лишь в том случае, если войны были бы боем не на жизнь, а на смерть вследствие простой вражды; войны же в том виде, как они бывают в действительности, являются не чем иным, как выражением политики, что мы уже выше показали. Подчинить политическую точку зрения военной – бессмысленно, так

как политика родила войну. Политика – это разум, война же только орудие, а не наоборот. Следовательно, остается только возможным подчинение военной точки зрения политической.

‹…› Всякая война должна прежде всего рассматриваться по своему вероятному характеру и по главным очертаниям, вытекающим из политических величин и отношений; часто – в наши дни мы можем с уверенностью сказать в большинстве случаев – война должна рассматриваться как органическое целое, от которого нельзя отделить его составных частей, в котором, следовательно, каждое отдельное действие должно сливаться с целым и исходить из идеи этого целого; таким образом, нам станет совершенно понятным и ясным, что высшая точка зрения для руководства войной, из которой должны исходить главные руководящие линии, может быть только точка зрения политики.

Если мы будем исходить из этой точки зрения, все планы станут как бы монолитными, понимание и оценка облегчатся и станут естественнее, убежденность повысится, побуждения окажутся более соответственными, а история станет более понятной. При такой точке зрения спор между интересами политическими и военными уже не вытекает из самой природы вещей; поэтому, если он возникает, на него надлежит смотреть просто как на недостаток разумения. Конечно, политика не может предъявлять к войне невыполнимых требований; это противоречило бы совершенно естественной и

необходимой предпосылке, что она знает орудие, которым желает пользоваться. Если же она правильно судит о ходе военных событий, то определение, какие события и какое направление событий более всего соответствуют задачам войны, – целиком дело политики и может быть только ее делом.

Карл фон Клаузевиц. «О войне»

Бить по траве, чтобы вспугнуть змею

Удар, нанесенный наудачу,
Позволяет выяснить истинное положение дел.
Обдумай последствия этой пробы –
И приступай к решительным действиям.

Древнекитайская стратагема 13. «Тридцать шесть стратагем»

Как разгромить врага

Если противник потеряет от первого удара равновесие, то ему не следует давать время его восстанавливать; надо продолжать наносить ему удары все в том же направлении, или, другими словами, победитель должен всегда направлять свои удары на целое, а не на частности противника. Действительное сокрушение противника достигается не тем, что

мы спокойно будем завоевывать превосходными силами какую-либо неприятельскую провинцию и предпочитать обеспеченное обладание этой небольшой добычей гадательной возможности крупного успеха, а лишь тем, что мы непрерывно будем идти по следу самого ядра неприятельских сил, бросая в дело все, чтобы все выиграть.

Но каков бы ни был центр тяжести неприятеля, против которого мы должны направлять свои усилия, все же победа и разгром его вооруженных сил представляют самое надежное начало и самое существенное во всех случаях. Поэтому, опираясь на многие данные опыта, мы полагаем, что сокрушение противника преимущественно обусловливается следующими обстоятельствами:

1. Разгромом его армии, когда она представляет в известной степени самостоятельный источник силы.

2. Занятием неприятельской столицы, если она представляет не только административный центр, но является и пунктом нахождения представительных учреждений и партий.

3. Действительным ударом по главному союзнику, если последний сам по себе значительнее нашего противника.

До сих пор мы мыслили противника на войне как единое целое, что при широком подходе к вопросу было вполне допустимо. Но после того, как мы сказали, что сокрушение противника заключается в преодолении сопротивления, сосредоточенного в его центре тяжести, мы должны отказаться

от этой предпосылки и выдвинуть на первый план тот случай, когда мы имеем дело более чем с одним противником.

Карл фон Клаузевиц. «О войне»

Объявить, что только собираешься пройти сквозь государство Го, и захватить его

Кто-то слабый зажат между двумя сильными врагами.

Противник угрожает подчинить его себе.

Я же под предлогом помощи слабому укрепляю свои позиции.

Древнекитайская стратагема 24. «Тридцать шесть стратагем»

О завоевании новых территорий

В тех случаях, когда сокрушение противника не может явиться задачей войны, налицо все же может иметься непосредственно положительная цель. Последняя может заключаться лишь в завоевании части неприятельской территории. Польза от такого завоевания заключается в том, что мы ослабляем этим путем неприятельское государство, а следовательно, и его вооруженные силы, и умножаем свои собственные силы; таким путем до некоторой степени мы ведем

войну за счет противника. Кроме того, при заключении мира обладание неприятельской областью может рассматриваться как чистый выигрыш, ибо она или останется за нами, или может быть обменена на другие выгоды.

Такой взгляд на завоевание неприятельской страны является весьма естественным, и против него не было бы вовсе возражений, если бы не состояние обороны, которое должно следовать за наступлением, оно часто может внушать опасения. В главе о кульминационном пункте победы мы с достаточной подробностью разъяснили, каким образом такое наступление ослабляет вооруженные силы и как за ним может последовать состояние, возбуждающее основательную тревогу за последствия.

Это ослабление наших сил при завоевании неприятельской территории имеет свои степени; эти последние находятся в зависимости преимущественно от географического положения завоеванного участка. Чем больше он является дополнением наших собственных земель, будучи окружен ими или простираясь вдоль них, чем больше он тянется в направлении действия главных сил, тем меньше он будет ослаблять наши вооруженные силы…

Поэтому когда возникает вопрос о том, должны ли мы ставить себе такую цель, то все зависит от того, можем ли мы рассчитывать удержать за собой завоеванное или же окупит ли нам в достаточной мере временный захват территории (вторжение, диверсия) затраченные на него силы; в особен-

ности следует обдумать, нет ли основания опасаться сильного обратного удара, от которого можно вовсе утратить равновесие…

Такого рода наступлением нам не всегда удастся возместить ущерб, понесенный на других направлениях. Пока мы занимаемся частичным завоеванием, неприятель может предпринять на другом участке то же самое, и если наше предприятие не будет иметь преобладающего значения, то оно не заставит неприятеля отказаться от своего начинания. Поэтому все сводится к зрелому обсуждению вопроса, не потеряем ли мы при этом больше, чем выиграем.

Сам по себе ущерб от неприятельского завоевания всегда бывает больше выгод, извлеченных нами из завоевания, хотя бы ценность завоеванных обеими сторонами областей была совершенно одинакова; это объясняется тем, что при завоевании многое теряется непроизводительно. Но так как непроизводительные издержки имеют место и у противника, то они, собственно, не должны были бы являться основанием к тому, чтобы придавать большее значение сохранению принадлежащего нам, чем завоеванию. А все же это так. Сохранение того, что принадлежит нам, всегда ближе нас затрагивает, и страдания, причиняемые нашей собственной стране, лишь тогда уравновешиваются и в известной степени централизуются, когда возмездие обещает принести значительные проценты, т. е. значительно превысить понесенный ущерб.

Вывод из всего вышесказанного тот, что стратегическое наступление, ставящее себе лишь умеренную задачу, в гораздо меньшей степени может освободиться от необходимости оборонять непосредственно не прикрытые им участки, чем наступление, направленное на центр тяжести неприятельского государства. Поэтому при постановке ограниченной цели не может быть в такой же степени достигнуто сосредоточение сил во времени и пространстве. Чтобы такое сосредоточение могло произойти хотя бы во времени, необходимо перейти в наступление, и притом одновременно на всех подходящих участках; но при таком наступлении утрачивается другая выгода, заключающаяся в том, что на отдельных пунктах при оборонительных действиях можно было бы обойтись гораздо меньшими силами. Таким образом, при постановке умеренной цели все военные действия уже нельзя сосредоточить в одной главной операции, а последнюю нельзя развить согласно одной основной руководящей идее. Все расплывается вширь, всюду усиливается трение и раскрывается более широкий простор для случайности.

Карл фон Клаузевиц. «О войне»

1.2. Эволюция войны

Народные войны XIX века

Грабежи и опустошения неприятельской страны, игравшие такую важную роль в войнах татар, древних народов и даже в Средние века, теперь уже не соответствовали духу времени. Подобные действия справедливо рассматривались как бесцельное варварство, за которое легко могло последовать возмездие, к тому же оно наносило вред населению, а не его правительству, и не могло оказать на последнее никакого воздействия; в то же время оно надолго отразилось бы отрицательно на культурном развитии народов. Таким образом, не только средства, но и цели войны все более и более концентрировались в армиях.

Армия с ее крепостями и несколькими подготовленными позициями представляла государство в государстве, и в его пределах стихия войны медленно пожирала самое себя. Вся Европа приветствовала эти изменения в военном искусстве и видела в них неизбежное следствие духовного прогресса. Здесь, конечно, имело место заблуждение, так как никакой прогресс не может вести к внутреннему противоречию и не сделает из дважды два – пять, как мы уже упоминали и должны будем еще сказать впоследствии.

Результаты этих сдвигов в военном деле оказались, однако, безусловно благотворными для народов Европы; но не будем упускать из виду, что они еще в большей степени обратили войну в дело, касающееся исключительно правительства, еще более чуждое интересам народа. План войны наступающего государства состоял в те времена по преимуществу в том, чтобы овладеть той или другой неприятельской областью, план же обороняющегося стремился воспрепятствовать этому. План отдельной кампании сводился к захвату той или другой неприятельской крепости или же к тому, чтобы воспрепятствовать такому захвату. Только в том случае, когда эти цели не могли быть достигнуты без боя, сражения искали и давали. Тот, кто начинал сражение, не вынуждаемый к тому указанной необходимостью, а исходя лишь из жажды победы, считался дерзким полководцем. Обычно вся кампания заключалась в одной осаде, а при исключительном напряжении – в двух осадах. Зимние квартиры, на которые смотрели как на нечто необходимое, проводили резкую грань между двумя кампаниями; при этом всякие отношения между сторонами прекращались, и ухудшение обстановки, в которой находилась одна из сторон, не могло быть использовано противником.

При равенстве сил обеих сторон, а также в случае, когда более предприимчивый полководец был намного слабее своего противника, дело не доходило ни до сражения, ни до осады, и тогда вся деятельность сводилась или к сохранению из-

вестных позиций и магазинов, или к планомерному поглощению средств данного района.

Между тем, в 1793 г. на сцене появилась такая сила, о которой до той поры не имелось никакого представления. Война сразу стала снова делом народа, и притом народа в 30 миллионов человек, каждый из которых считал себя гражданином своего отечества. Не вдаваясь в подробное рассмотрение обстоятельств, сопровождавших это великое явление, мы фиксируем здесь лишь интересующие нас выводы. Благодаря участию в войне всего народа на чашах весов оказались не одно правительство и его армия, а весь народ со всем присущим ему весом. Отныне уже не было определенных пределов ни для могущих найти применение средств, ни для напряжения сил; энергия ведения войны больше уже не находила себе противовеса, и потому опасность, грозившая противнику, возросла до крайности.

Таким образом, война, ставшая со времен Бонапарта сперва на одной, затем на другой стороне снова делом всего народа, приобрела совершенно другую природу, вернее, сильно приблизилась к своей действительной природе, к своему абсолютному совершенству. Средства, пущенные в ход, не имели видимых границ; эти границы терялись в энергии и энтузиазме правительств и их подданных. Энергия ведения войны была значительно усилена вследствие увеличения средств, широкой перспективы возможных успехов и сильного возбуждения умов. Целью же военных действий стало

сокрушение противника; остановиться и вступить в переговоры стало возможным только тогда, когда противник был повержен и обессилен.

Так разразилась стихия войны, освобожденная от всех условных ограничений, во всей своей естественной силе. Основой этого было участие народов в этом великом государственном деле; и это участие проистекало частью из тех условий, которые Французская революция создала внутри каждой страны, частью из той опасности, которой угрожали всем народам французы.

Всегда ли это так останется, все ли грядущие войны в Европе будут вестись при напряжении всех сил государства и, следовательно, во имя великих и близких народам интересов, – или впоследствии правительства опять изолируются от народа, – разрешить это было бы трудно, и менее всего мы считаем себя вправе решать такой вопрос. Но, вероятно, с нами охотно согласятся, если мы скажем, что не так-то легко воздвигнуть вновь раз прорванные преграды, заключавшиеся, главным образом, в непонимании заложенных в войне возможностей. По крайней мере всегда, когда на карту будут поставлены крупные интересы, взаимная вражда будет разряжаться так же, как это имело место в наши дни.

Карл фон Клаузевиц. «О войне»

Первая мировая позиционная война

С этого момента война приобретает тот преобладающий характер, который ее более не покидает, – характер позиционности, – и с этого же момента начинается истинная война народов в подлинном смысле этого слова…

На линиях соприкосновения, упирающихся в непреодолимые естественные или политические препятствия, вырываются рвы, воздвигаются брустверы, устанавливаются проволочные заграждения, распределяются люди, винтовки, пулеметы и орудия, и с обеих сторон предпринимаются попытки то тут, то там отогнать противника назад. Интенсивность этого сражения то разгорается вдоль различных частей широчайших фронтов, то затухает…

Это – позиционная война. Это выглядит так, как если бы два борца, вместо того чтобы охватить друг друга и попытаться применить законный прием или подножку, уперлись друг в друга, плечо в плечо, в терпеливом ожидании, что один из двух «сдаст» в результате истощения, вызванного долгим непрерывным напряжением мускулов и нервов.

Маневр невозможен: нельзя маневрировать перед Китайской стеной. Не существует более стратегии. Последняя представляет собой искусство вождения массы войск до поля сражения, а в данном случае войска уже здесь, в тесном соприкосновении, жестко развернутые. Не существует более

тактики. Последняя представляет собой искусство выбора надлежащей местности для наступления или для обороны; в данном случае местность такова, какова она есть; ее не выбирают, ей подчиняются. Не существует более военного искусства. Последнее представляет собой искусство игры потенциальными силами; в данном случае играют лишь наличные материальные силы.

Сплошной фронт появился совершенно непредвиденно, в полнейшем противоречии со всеми господствовавшими теориями и в полном противоречии с мышлением генеральных штабов…

Все прошлое опрокинуто. Обе линии постоянно находятся в непрерывном и полном vis-á-vis (друг против друга) и занимаются лишь тем, что обоюдно наносят друг другу удары – удары молота по наковальне.

Какова же была причина этого явления, столь грандиозного и столь общего? Эта причина, имеющая именно такой характер, является чрезвычайно простой и заключается *в громадной эффективности, достигнутой огнестрельным оружием, в особенности малокалиберным.* Необходимо помнить, что *всякое повышение эффективности огнестрельного оружия, в особенности оружия малых калибров, повышает ценность обороны…*

Отсюда огромное значение, которое получили оборонительные устройства, т. е. средства, пригодные для защиты собственного оружия от неприятельских ударов – окопы, и

средства, пригодные, чтобы задержать неприятельское наступление в непосредственной близости от позиций – проволочные заграждения и т. п., поскольку эти устройства позволяют самыми малыми силами уравновешивать значительно более крупные силы.

И действительно, на практике немедленно выявилось значительное увеличение ценности обороны. Это привело к кристаллизации линий, так как противники, раз вступив в соприкосновение, ввиду невозможности для каждого из них продвигаться вперед, были вынуждены оставаться на месте… Когда все стратегические планы на практике оказались несостоятельными и когда стена стала против стены, борьба сделалась растянутой и разрозненной…

Периодически, в наиболее благоприятные моменты, когда удавалось накопить людские массы и боеприпасы, производились попытки действий в более крупном стиле; эти действия поглощали людей и боеприпасы, и когда они шли хорошо, то вызывали изгиб одного из участков длинных непрерывных линий. В виде исключения имели место прорывы фронтов и глубокие продвижения; но и в этих случаях непрерывный фронт всегда восстанавливался…

Наступательные действия обходятся дороже оборонительных до того момента, пока не удастся преодолеть оборону. Но когда наступление бывает остановлено прежде, чем достигнет своей цели, оно дает отрицательный результат, ибо обходится дороже тому, кто его ведет, чем тому, против ко-

го оно направлено. Но поскольку сохранялся образ мыслей, стоявший за наступление ради наступления, создалась французская теория «grignotage» («прогрызания»)…

Эта теория определила полное крушение военного искусства и поставила под вопрос исход войны: материально – потому, что когда Россия «сдала», исчезло превосходство в численности; морально – потому, что в войсках она привела к проявлениям слабости духа.

Джулио Дуэ. «Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны»

Первая мировая позиционная война: взгляд со стороны Германии

Обе стороны лелеяли надежду, что зарождающаяся позиционная война окажется всего лишь временным состоянием. И ни одна сторона не нашла в себе мужества отступить, чтобы найти местность, более подходящую для длительной обороны, – они боялись, что уступка земли, за которую было пролито столько крови, могла быть воспринята как открытое признание поражения.

Поэтому линия фронта застыла там, где проходили последние бои, – а при таком ее положении неизбежно требовались тщательно продуманные инженерные работы и многочисленные гарнизоны, и войска втягивались в бесконеч-

ные стычки за клочки земли, имеющие лишь местное значение. Следующим шагом обеих воюющих сторон было развертывание оборонительных систем, в которые входили стационарные, прочно укрепленные окопы для войск передовой и их резервов, дополненные коммуникационными траншеями для передвижений смены и снабжения. Эти позиции были защищены заграждениями из колючей проволоки, плотность и глубина которых постоянно росла. Тыловыми позициями пока что не занимались. Артиллерия была размещена достаточно близко от передовой, чтоб накрыть огнем как пехоту противника, так и его артиллерию, – другими словами, была выдвинута довольно далеко вперед и не эшелонирована; начать с того, что для обеспечения охраны орудий не было принято специальных мер.

Затем соперничающие армии принялись совершенствовать свое вооружение и материальную часть. Особенно значительно возросла численность пулеметов – насыщение ими войск продолжалось до конца войны и сильно повысило статус пулемета; из вспомогательного вида вооружения пехоты пулемет превратился в ее основное оружие, а в дальнейшем стал главным оружием также и в авиации. Число артиллерийских орудий тоже возросло, и каждый расчет был укомплектован беспрецедентно большим количеством боеприпасов; каждый годный ствол был пущен в дело, включая многочисленные модели устаревшей конструкции. Повысилась значимость саперных работ: уже вошли в употребление ми-

нометы и ручные гранаты, бункеры, подрывные заряды, водные преграды и препятствия всех видов все больше и больше придавали позициям характер крепостных укреплений.

Время показало, что немцы более, нежели противник, пострадали оттого, что ухватились за позиции, навязанные необходимостью момента, не приняв во внимание, насколько эти позиции пригодны для долгосрочной обороны. И опять-таки обыкновение стягивать все силы к самой линии фронта добавляло много лишних трудностей. Это сокращало количество доступных резервов, это мешало их подготовке, это резко сокращало период их отдыха, и хуже всего – это уменьшало ударную силу, в которой отчаянно нуждались другие театры военных действий, где с помощью этих резервов можно было справиться гораздо быстрее. С нашей точки зрения, ситуация у наших противников улучшилась с пугающей быстротой после того, как союзники решили больше не направлять крупные силы на второстепенные театры (как они делали в Галлиполи) и вместо этого сосредоточить все наличные ресурсы войск, снаряжения и огневой мощи во Франции. Это, однако, не значит, что такое решение было обязательно лучшим. Обе стороны убеждали себя, что только путем введения в бой чрезвычайных ресурсов они могли достичь успеха в битве на Западном фронте, и каждая из них стремилась различными средствами добиться именно этого результата.

Хайнц Гудериан. «Внимание, танки! История создания

Новые типы войны: воздушная

Воздушное оружие имеет ярко выраженный наступательный характер, но совершенно не пригодно для обороны, до такой степени, что тот, кто намерен применять его для обороны, должен примириться с абсурдностью применения для этой цели воздушных сил, значительно превосходящих те, которые могут произвести на него нападение.

Во время мировой войны, хотя и не было еще точных критериев для крупных наступательных операций с воздуха, все воздушные нападения, производившиеся хоть с некоторой решимостью, удавались. Мы бомбардировали Полу каждый раз, когда это нам было угодно, а австрийцы бомбардировали Тревизо вплоть до самого дня перемирия, несмотря на то, что в последние месяцы войны мы обладали неоспоримым преобладанием в воздухе.

В приложении к воздушной войне этот общий принцип кажется жестоким вследствие нашей особой и традиционной чувствительности, которую необходимо будет изменить.

Война – все это говорят и все в этом убеждены – является уже не столкновением воинов, но столкновением стран, борьбой народов. Во время мировой войны это столкновение и эта борьба протекали в форме измора сухопутных армий, и это казалось естественным и логичным. Воздушное

оружие, благодаря своему непосредственному воздействию, ставит народ против народа, страну против страны, вызывая исчезновение промежуточной брони, ослаблявшей удар. Ныне страны и народы действительно схватываются врукопашную и хватают друг друга за горло. Это возмущает нашу традиционную чувствительность, ту, которая, например, во время мировой войны приходила в волнение, когда мы получали известие об убийстве нескольких женщин и нескольких детей в результате воздушного налета, в то время как она же оставляла нас бесстрастными перед убийством десятков тысяч солдат в связи с каким-нибудь сражением. Каждая человеческая жизнь имеет одинаковую ценность, но традиция хочет, чтобы солдат был создан для того, чтобы дать себя убить во время войны, а потому убийство солдата на войне нас не смущает, хотя с точки зрения общей экономики человечества (economia generale dell'umanita) солдат, т. е. человек молодой и сильный, представляет собой максимальную индивидуальную ценность.

Войну выигрывают, сламывая сопротивление неприятельской страны. Этой цели можно достичь с большей легкостью, в более короткий срок и более экономичным образом, т. е. с меньшим кровопролитием, путем непосредственного нападения на источники неприятельского сопротивления там, где они наиболее слабы и наиболее уязвимы. Чем более быстрыми и ужасающими будут результаты применения оружия, чем быстрее это оружие сможет достичь жизненных центров

и чем более глубокое воздействие оно окажет на моральное сопротивление, тем более война будет становиться действительно цивилизованной, ибо тем более будет ограничен причиняемый ею вред по отношению ко всему человечеству в целом.

Чем сильнее сможет оружие ударить по общей массе граждан и чем непосредственнее оно сможет затронуть их интересы, тем более редкими будут становиться войны, ибо никто не сможет сказать: «вооружимся и двинемся».

Джулио Дуэ. «Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны»

Новые типы войны: танковая

В основу успеха танковой атаки были положены три непременные предпосылки: подходящая местность, массированное применение и внезапность. Они заслуживают более подробного рассмотрения, прежде чем мы сможем продолжить наш рассказ.

Бронетанковые войска часто критикуют за то, что их нельзя использовать где придется – совершенно очевидно, что они никак не могут справиться с высокими горами, крутыми склонами, глубокими болотами и реками. Но то же самое на всем протяжении исторического развития было справедливо и для любого другого транспортного средства. Проблема

в том, что за неимением лучшего всегда используется то, что есть под рукой, и при необходимости нам придется преодолевать препятствия такого рода путем создания в них искусственных проходов или просто перелетать их. Правда, техника постоянно прилагает усилия для улучшения проходимости боевых машин, особенно танков; за совсем короткое время было достигнуто очень многое, и мы безусловно верим, что последует еще более значительный прогресс. Однако рельеф местности остается соображением, которое следует всегда принимать в расчет.

Неразумно посылать бронетехнику в атаку на участке, где у нее не может быть реальной надежды на продвижение вперед. Точно так же ошибочно предварять атаку артиллерийским обстрелом, который превращает местность в лунный ландшафт, где даже самые эффективные современные машины – не говоря уже о транспорте на конной тяге – в конце концов непременно застрянут. Чтобы танки могли продолжать движение, их нужно избавить от трудностей, связанных с преодолением пересеченной местности, по которой они наступают. Мы очень любим обозначать «оси наступления», но их нельзя проводить с геометрической прямотой через горы и долины, через реки и леса; когда дело касается танков, мы по меньшей мере должны учитывать структуру грунта и характер поверхности. Если скорость передвижения танков на местности не устраивает пехоту и артиллерию, может оказаться, что необходимо направить атаку бронетехни-

ки по оси, идущей наискось по отношению к движению пехоты. Основная цель танков – добраться до противника…

Но эффективность артиллерии значительно снижалась, когда ей приходилось справляться с большим количеством танков, наступающих одновременно, и это справедливо независимо от того, идет ли речь об артиллерии времен мировой войны или о современных противотанковых орудиях. Но если мы собираемся вводить в бой танки en masse, мы возвращаемся к первому доводу: нам в первую очередь нужен для атаки удобный участок.

Внезапность – третья предпосылка радикального успеха наступления. С незапамятных времен существовали решительные и уверенные в себе командиры, которые использовали фактор внезапности – условие, с помощью которого малочисленное войско может вырвать победу из рук противника и любые, даже невероятные, обстоятельства обратить к своей выгоде. Это оказывает поразительное действие на моральное состояние обеих сторон – но этот же самый элемент непредсказуемости отпугивает осторожных тугодумов, и, наверное, именно потому они с такой неохотой воспринимают новые виды оружия, даже когда неадекватность старых слишком очевидна.

Внезапность может быть вызвана самой новизной оружия, о котором идет речь. Чтобы применить оружие впервые, требуется немалая отвага со стороны командира, но тем скорее будет успех операции. Однако мы видели, что ни немцы со

своим отравляющим газом, ни англичане со своими танками не готовы были рискнуть и применить при наступлении новое оружие внезапно и en masse. А как только эта быстропреходящая возможность упущена, внезапность приходится сочетать с освященными традициями тактическими приемами, которые годятся для обычного вооружения. И даже тогда еще остается простор для маневра, чтобы застигнуть противника врасплох.

Даже явно поверхностные технические новшества могут поразить неожиданностью, которая окажет чрезвычайно болезненное воздействие на противника… Во время последней войны то же самое оказалось верно и для танков. Даже спустя год после того, как эти машины впервые появились на поле боя, фактор внезапности еще мог проявить себя. В конце концов, никто бы не поручился, что немцы действительно сумели бы приспособиться к тому, что противник может использовать танки en masse, или к другим вероятным улучшениям конструкции и тактики. Потенциал фактора внезапности снизился лишь ненамного, и степень его снижения очень сильно зависела от немцев.

Хайнц Гудериан. «Внимание, танки! История создания танковых войск»

1.3. Полководец как стратег и тактик

Пять опасностей полководца

Поэтому у полководца есть пять опасностей:

[если он будет] стремиться во что бы то ни стало умереть, он может быть убитым; [если он будет] стремиться во что бы то ни стало выжить, он может быть пленен; если он будет скор на гнев, над ним могут насмехаться; если он будет бескорыстен, его могут опозорить; если он будет любить народ, ему могут докучать.

Эти пять опасностей – недостатки полководца, беда в использовании войск.

Разбивают армию, убивают полководца непременно этими пятью опасностями. В этом нельзя не разобраться…

Дело полководца – быть спокойным и этим непроницаемым; быть дисциплинированным и этим управлять.

Уметь дурачить глаза и уши своих офицеров и солдат, не давая им что-либо знать.

Менять свои замыслы и изменять свои планы, не давая другим о них узнать.

Менять свое местонахождение, кружить по своим тропам, не давая другим что-либо заподозрить.

Ведя войско, будто бы забираясь на высоту, убираешь

лестницы…

Вести солдат так, как гонят стадо баранов: их гонят туда, и они идут туда; их гонят сюда, и они идут сюда; они не знают, куда идут. Собрав три армии, нужно бросить их в опасность; это и есть дело армейского полководца.

Сунь-цзы. «Искусство войны»

Пять принципов и четыре пружины полководца

«…обычно, кто сочетает в себе гражданские добродетели и воинскую доблесть, тот полководец войск. Кто совмещает твердость и гибкость, тот создатель войска.

Вообще люди, рассуждая о полководце, обычно видят в нем только доблесть. Доблесть же полководца – всего лишь одна его сторона. Обычно, кто только храбрый, обязательно легкомысленно ввязывается в бой, не разбирает, где польза, а это не годится.

Поэтому имеется пять принципов, которых должен придерживаться полководец: 1) управление, 2) подготовка, 3) решительность, 4) осторожность, 5) сдержанность.

Управление означает управлять массой войск так же, как управляют небольшим числом людей. Подготовка означает выходить из ворот города в такой же готовности, как при встрече с противником. Решительность означает, вступая в бой с противником, не помышлять о сохранении жизни.

Осторожность означает вести себя после победы так же, как перед боем. Сдержанность означает излагать приказы и распоряжения кратко, внятно и немногословно.

Правильные действия полководца таковы: получив приказ, не отказывайся от его выполнения; только после разгрома противника говори о возвращении домой.

Поэтому в день выступления войска в поход перед полководцем стоит почетная смерть, а не позорная жизнь…

…обычно на войне действуют четыре пружины: 1) пружина духа, 2) пружина местности, 3) пружина действий, 4) пружина силы.

Когда массу войск в один миллион человек расстанавливают в соответствии легкости и трудности каждого – это называется пружиной духа; когда дорога узкая, путь прохода опасен, когда имеются большие горы и завалы в них, десять человек, обороняясь, не пропустят и тысячу человек – это называется пружиной местности; когда умелыми действиями разведки, легкими подвижными войсками разъединяют массы войск противника, вносят разлад между правителем и чиновниками, создают взаимную вражду между высшими и низшими – это называется пружиной действия; когда спицы и чекушки колес в колесницах плотно подогнаны, весла и рули кораблей хорошо пригнаны, воинами хорошо усвоены боевые порядки, кони обучены разным аллюрам – это называется пружиной силы.

Тот, кто знает эти четыре пружины, может быть полко-

водцем. Конечно, его авторитет, добродетель, гуманность и храбрость являются непременными качествами, достаточными для руководства подчиненными, для обеспечения спокойствия в войсках и устрашения противника. Он устраняет всякие сомнения в выполнении приказов и не позволяет подчиненным нарушать их. В этом случае, где бы ни находились наши войска, противник не осмелится напасть на них. Когда есть такие полководцы, страна сильна; когда таких полководцев отстраняют, страна гибнет.

Вот что значит хороший полководец.

У-цзы. «Законы войны почтенного У»

Действия полководца при внезапном нападении

Цезарь должен был делать все сразу: выставить знамя [это было сигналом к началу сражения, дать сигнал трубой], отозвать солдат от шанцевых работ, вернуть тех, которые более или менее далеко ушли за материалом для вала, построить всех в боевой порядок, ободрить солдат, дать общий сигнал к наступлению. Всему этому мешали недостаток времени и быстрое приближение врага. Но в этом трудном положении выручали, во-первых, знание и опытность самих солдат: опыт прежних сражений приучил их самих разбираться в том, что надо делать, не хуже, чем по чужим указаниям; во-вторых, Цезарь запретил легатам покидать лагерные работы

и свой легион, пока лагерь не будет вполне укреплен. Ввиду близости врага и той быстроты, с которой он действовал, они уже не дожидались приказов Цезаря, но сами принимали соответствующие меры.

Отдав самые необходимые распоряжения, Цезарь поспешил со словами ободрения к солдатам – там, где их заставал, и попал к 10-му легиону. Его солдатам он лишь вкратце посоветовал твердо помнить о своей прежней доблести, не падать духом и храбро выдержать неприятельскую атаку. Так как враги подошли уже приблизительно на расстояние выстрела, он дал сигнал к бою. Направившись в другое место также для ободрения, он застал солдат уже в самом разгаре сражения. Времени было так мало и враги шли с такой боевой отвагой, что некогда было возложить на себя знаки отличия и даже надеть шлемы и снять чехлы со щитов. Солдаты, шедшие с лагерных работ, занимали первые попавшиеся места в строю и приставали к первым встречным частям, чтобы в поисках своей части не терять времени для боя.

Войско наконец было выстроено в боевой порядок, но скорее в соответствии с условиями местности, с покатостью холма и с требованиями данного момента, чем по правилам военного распорядка; легионы бились с врагом в разных местах, каждый поодиночке: вышеупомянутые очень густые плетни, находившиеся между ними и неприятелями, закрывали от них горизонт, невозможно было ни расположить в определенных местах необходимые резервы, ни со-

образить, что где нужно; нельзя было и единолично распоряжаться всеми операциями. Понятно, что при столь неблагоприятных условиях неизбежны были колебания военного счастья…

Ободрив 10-й легион, Цезарь направился к правому флангу. Там он увидал, что его солдат теснят, манипулы со своими знаменами сбились в одно место, солдаты 12-го легиона своей скученностью сами себя затрудняют в сражении, у 4-й когорты перебиты все центурионы и знаменщик и отбито даже знамя, у остальных когорт убиты или ранены почти все центурионы, в том числе и центурион первого ранга, необыкновенно храбрый П. Секстий Бакул, так тяжко изранен, что от слабости уже не может держаться на ногах, а остальные потеряли энергию; из задних рядов некоторые от истощения сил оставляют поле сражения и уходят из сферы обстрела, а тем временем враги безостановочно идут снизу на фронт римского лагеря и наступают на оба фланга; вообще все положение было очень опасно и не было под руками никакого подкрепления. Тогда Цезарь выхватил щит у одного из солдат задних рядов (так как сам пришел туда без щита) и прошел в первые ряды; там он лично поздоровался с каждым центурионом и, ободрив солдат, приказал им идти в атаку, а манипулы раздвинуть, чтобы легче можно было действовать мечами. Его появление внушило солдатам надежду и вернуло мужество, и так как на глазах у полководца каждому хотелось, даже в крайней опасности, как можно доблестнее

исполнить свой долг, то напор врагов был несколько задержан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.